

И. А. ГОНЧАРОВ

СОДЕРЖАНИЕ: /18 стр./.

1. Краткая летопись жизни и творчества /стр.1/
2. Литературно-критические материалы: /стр. 6—14 /

Д.И. Писарев «Обломов» Гончарова». /стр. 6/

А.В.Дружинин «Обломов», роман И.А.Гончарова». /стр. 9 /

И. Анненский «Гончаров и его Обломов». /стр. 10/

3. Для любознательных . /стр. 13/

4. Список рекомендуемой литературы. /стр. 15/.

КРАТКАЯ ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА И. А. ГОНЧАРОВА

Жизнь И. А. Гончарова не столь уж наполнена яркими событиями. Многие годы он отдал государственной службе, в конце-концов получив очень высокий чин действительного статского советника (что соответствовало военному чину генерал-майора). Рано войдя в литературную петербургскую среду, он был знаком практически со всеми крупными писателями России. Со многими из них его связывали дружеские, а порой и очень сложные отношения (например, с И. С. Тургеневым); он часто бывал за границей, совершил кругосветное путешествие, результатом которого стали его великолепные путевые заметки «Фрегат «Паллада». Из-под его пера, помимо известных романов, вышло множество статей, очерков, а также писем к разным известным и не очень известным лицам. Письма, воспоминания о Гончарове, документы государственных учреждений послужили главными источниками «Летописи жизни и творчества И.А.Гончарова», составленной А. Д. Алексеевым (М.; Л., 1960), из которой в основном и выбраны краткие хронологические сведения.

1812, 6 июня. У симбирского купца Александра Ивановича Гончарова и жены его Авдотьи Матвеевны (урожд. Шахториной) родился сын Иван. 11 июля. Крещение сына Ивана.

1819, 10 сентября. Смерть Александра Ивановича Гончарова.

1820 — лето 1822. Пребывание Ивана Гончарова в частном завожском пансионе священника Ф. С. Троицкого, расположенном в селе Репьевка в имении кн. Е. П. Хованской.

1822, 6 августа. Определен в Московское коммерческое училище в число полных пансионеров.

1830, 26 июня. Окончил третий возраст (класс) Московского коммерческого училища.

1831, 27 августа. Держит приемные экзамены в Московский университет. Приемной комиссией «признан способным к слушанию профессорских лекций на словесном отделении».

1832, 27 сентября. А. С. Пушкин посещает Московский университет и присутствует на лекциях профессоров И. И. Давыдова и М. Т. Каченовского. Гончаров вместе с другими студентами был свидетелем горячего спора между Пушкиным и Каченовским о подлинности «Слова о полку Игореве».

Начало октября. Вышел из печати № 15 журнала «Телескоп», в котором опубликовано первое произведение Гончарова — перевод двух глав из пятой книги романа Евгения Сю «Атар -Гюль». 1834, 5 июля получает свидетельство об окончании словесного отделения Московского университета.

Июль. Возвращается из Москвы в Симбирск.

1834, осень — 1835, апрель. Служит секретарем канцелярии Симбирского губернатора А. М. Загряжского.

1835, май, начало. Приезжает в Петербург.

18 мая - определен на службу в Департамент внешней торговли министерства финансов в качестве переводчика.

Лето. Начинает посещать литературный кружок Майковых, где познакомился с литераторами: В. Г. Бенедиктовым, И. И. Панаевым, М. А. и Е. А. Языковыми и Е. В. Толстой.

1838, 2 апреля. В № 12 рукописного журнала кружка Майковых «Подснежник» помещена повесть Гончарова «Лихая болезнь».

1839. В рукописном альманахе кружка 4 июля Майковых «Лунные ночи» помещена повесть Гончарова «Счастливая ошибка».

1840. За «отлично-усердную службу» 10 сентября произведен в титулярные советники. **1842. Написан очерк «Иван Савич Поджабрин».**

1844. Задуман роман «Обыкновенная история».

1846. Знакомится с В. Г. Белинским.

Март--апрель. Читает в кружке В. Г. Белинского первую часть «Обыкновенной истории».

Сентябрь. Н. А. Некрасов сообщает В. Г. Белинскому о приобретении журналом «Современник» рукописи «Обыкновенной истории».

1847. Вышел из печати третий номер «Современника», в котором опубликована первая часть романа «Обыкновенная история».

8 апреля -- Вышел из печати четвертый номер «Современника», в котором опубликована вторая часть романа «Обыкновенная история». В этом же году вышло из печати отдельное издание «Обыкновенной истории».

1849. Вышел из печати «Литературный сборник с иллюстрациями», изданный журналом «Современник», в котором опубликован «Сон Обломова». Эпизод из неоконченного романа».

1850 . Написана первая часть романа «Обломов».

1851. Смерть матери, Авдотьи Матвеевны 11 апреля, в Симбирске. 14 ноября. Произведен за выслугу лет в коллежские асессоры.

1852. Высочайшее соизволение на командирование 9 сентября столоначальника Департамента внешней торговли министерства финансов коллежского асессора Гончарова к исполнению должности секретаря при адмирале Е. В. Путятине, отправляющемся на фрегате «Паллада» в экспедицию для обозрения североамериканских колоний.

25 сентября. Фрегат «Паллада» вышел из Средней гавани на Кронштадтский рейд.

1855 осень— лето 185. Кругосветное путешествие на фрегате «Паллада».

1855 16 февраля. Произведен в надворные советники.

25 февраля. Явился из командировки в Петербург и вступил в должность столоначальника.

17 июля. Произведен за выслугу лет в коллежские советники. Выходят из печати многие путевые очерки Гончарова, написанные во время экспедиции.

24 ноября. Был на вечере у И. С. Тургенева, познакомился с Л. Н. Толстым.

25 декабря. Высочайший приказ по гражданскому ведомству «О награждении Гончарова, вне правил, чином статского советника за особые заслуги его по званию секретаря при генерал-адъютанте графе Путятине».

1856, 19 февраля. Определен на должность цензора Петербургского цензурного комитета.

4 декабря. Л. Н. Толстой записывает в своем дневнике: «Читаю прелестную «Обыкновенную историю».

Весна. Выходит второе издание романа «Обыкновенная история» и отдельное издание путевых очерков «Фрегат «Паллада».

7 июня. Поездка за границу. Побывал в Варшаве, Мариенбаде, где работал над романом «Обломов», Потом через Кельн отправляется в Париж, где встречается с И. С. Тургеневым, В. П. Боткиным и А. А. Фетом, которым читает роман «Обломов».

Сентябрь. Окончание романа «Обломов».

8 октября. Возвращается в Петербург.

21 декабря. Определен преподавателем русского языка и словесности к наследнику Николаю Александровичу, с сохранением должности цензора.

1858, 10 –мая. Вышло из печати отдельное издание очерков «Фрегат «Паллада» в 2 томах.

Весна . Отказывается от преподавания наследнику русского языка и литературы.

1859, 14 января. Вышел из печати первый номер «Отечественных записок», в котором началась публикация романа «Обломов», продолжавшаяся до четвертого номера.

2 февраля. Основание Общества для пособия нуждающимися литераторам и ученым (Литературного фонда), членом которого Гончаров был избран в конце года.

1860, 1 февраля. Приказом министра народного просвещения, согласно прошению, уволен со службы.

24 ноября. Избран вместе с И. С. Тургеневым членом-корреспондентом Российской академии наук по отделению языка и словесности.

1862, 29 сентября. Определен на службу в министерство внутренних дел на должность главного редактора газеты «Северная почта».

1863, 21 июня. Высочайшим приказом по министерству внутренних дел назначен членом Совета министра внутренних дел по делам книгопечатания с производством в действительные статские советники.

1864, 19 августа. Во время большого пожара в Симбирске сгорел дом Гончаровых.

1867, 1 января За «отлично-усердную службу» пожалован Орденом св. Владимира 3-й степени.

25 июня. Встреча в Баден-Бадене с Ф. М. Достоевским. Вместе с ним играет на вокзале в рулетку.

29 декабря. Согласно прошению, уволен со службы по причине расстроенного здоровья с назначением пенсии в размере 1750 рублей в год.

1868, 28 марта. Читает у гр. А. К. Толстого роман «Обрыв»

1869, 1 января—1 мая. Вышли из печати пять номеров «Вестника Европы», в которых опубликован роман «Обрыв». 10 мая Гончарова посещает П. М. Третьяков, выразивший желание приобрести для

своей галереи его портрет. 9 августа. Вышел из печати второй том «Портретной галереи русских деятелей», в котором помещена биография Гончарова.

1870, 19 февраля. Вышло из печати отдельное издание романа «Обрыв».

1872, 1 марта. Вышел из печати третий номер «Вестника Европы», в котором опубликована статья Гончарова «Миллион терзаний» о «Горе от ума».

1873, осень. Преподаёт русскую словесность детям великого князя Константина Николаевича в Мраморном дворце.

1874, 6 марта. И. Н. Крамской начал работу над портретом Гончарова.

1876, 12 июля. Избран французским Литературным фондом русским членом-корреспондентом Общества литераторов Франции.

1882, декабрь, начало. Усиливается болезнь глаз с потерей зрения правого глаза.

31 декабря. Чествование Гончарова по случаю 50-летнего юбилея литературной деятельности.

1883, 22 мая. Гончаров написал духовное завещание, в котором распорядился своими денежными сбережениями и имуществом.

7 декабря. Вышло из печати Полное собрание сочинений И. А. Гончарова в 8 томах.

1885, 19 января. Избран почетным членом Общества любителей российской словесности при Московском университете.

1888, 28 января И. Е. Репиным сделан карандашный портрет Гончарова.

1889, 30 сентября. Вышла из печати книга «Двадцать биографий образцовых русских писателей», в которой помещен биографический очерк И. А. Гончарова.

1891, 15 сентября. Смерть И. А. Гончарова в 12-м часу дня. 19 сентября -- Похороны писателя на Новом Никольском кладбище Александро-Невской лавры.

1956, 27 августа --В связи с ликвидацией Нового Никольского кладбища Александро-Невской лавры прах Гончарова был перенесен на Литераторские мостки Волкова кладбища и захоронен поблизости от могил Д. В. Григоровича и И.С. Тургенева.

ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

Д. И. Писарев

ОБЛОМОВ

Роман И. А. Гончарова

Мысль г. Гончарова, проведенная в его романе, принадлежит всем векам и народам, но имеет особенное значение в наше время, для нашего русского общества. Автор задумал проследить мертвящее, губительное влияние, которое оказывают на человека умственная апатия, усыпление, овладевающее мало-помалу всеми силами души, охватывающее и сковывающее собою все лучшие, человеческие, разумные движения и чувства. Эта апатия составляет явление общечеловеческое, она выражается в самых разнообразных формах и порождается самыми разнородными причинами; но везде в ней играет главную роль страшный вопрос: «Зачем жить? К чему трудиться?» — вопрос, на который человек часто не может найти себе удовлетворительного ответа. Этот неразрешенный вопрос, это неудовлетворенное сомнение истощают силы, губят деятельность; у человека опускаются руки, и он бросает труд, не видя ему цели...

Илья Ильич Обломов, герой романа, олицетворяет в себе ту умственную апатию, которой г. Гончаров придал имя обломовщины. Слово обломовщина не умрет в нашей литературе: оно составлено так удачно, оно так осязательно характеризует один из существенных пороков нашей русской жизни, что, по всей вероятности, из литературы оно проникнет в язык и войдет во всеобщее употребление...

Рядом с Обломовым выведен в романе г. Гончарова другой характер, соединяющий в себе те результаты, к которым должно вести гармоническое развитие. *Андрей Иванович Штольц, друг Обломова, является вполне мужчиною, таким человеком, каких еще очень мало в современном обществе.* Он не избалован домашним воспитанием, он с молодых лет начал пользоваться разумною свободою, рано узнал жизнь и умел внести в практическую деятельность прочные теоретические знания. Выработанность убеждений, твердость воли, критический взгляд на людей и на жизнь и рядом с этим критическим взглядом вера в истину и в добро, уважение ко всему прекрасному и возвышенному — вот главные черты характера Штольца. Он не дает воли страстям, отличая их от чувства; он наблюдает за собою и сознает, что человек есть существо мыслящее и что рассудок должен управлять его действиями. Господство разума не исключает чувства, но осмысливает его и предохраняет от увлечений. Штолец не принадлежит к числу тех холодных, флегматических людей, которые подчиняют свои поступки расчету,

потому что в них нет жизненной теплоты, потому что они не способны ни горячо любить, ни жертвовать собою во имя идеи. Штольц не мечтатель, потому что мечтательность составляет свойство людей, больных телом или душою, не умевших устроить себе жизнь по своему вкусу; у Штольца здоровая и крепкая природа; он сознает свои силы, не слабеет перед неблагоприятными обстоятельствами и, не напрашиваясь насильно на борьбу, никогда не отступает от нее, когда того требуют убеждения; жизненные силы быют в нем живым ключом, и он употребляет их на полезную деятельность, живет умом, сдерживая порывы воображения, но воспитывая в себе правильное эстетическое чувство. Характер его может с первого взгляда показаться жестким и холодным. Спокойный, часто шуточный тон, с которым он говорит и о своих, и о чужих интересах, может быть принят за неспособность глубоко чувствовать, за нежелание вдуматься, вникнуть в дело; но это спокойствие происходит не от холодности: в чем должно видеть доказательство самостоятельности, привычки думать про себя и делиться с другими своими впечатлениями только тогда, когда это может доставить им пользу или удовольствие...

Третья замечательная личность, выведенная в романе г. Гончарова, — Ольга Сергеевна Ильинская — представляет тип будущей женщины, как сформируют ее впоследствии те идеи, которые в наше время стараются ввести в женское воспитание. В этой личности, привлекающей к себе невыразимою прелестью, но не поражающей никакими резко выдающимися достоинствами, особенно замечательны два свойства, бросающие оригинальный колорит на все ее действия, слова и движения. Эти два свойства редки в современных женщинах и потому особенно дороги в Ольге; они представлены в романе г. Гончарова с такою художественною верностью, что им трудно не верить, трудно принять Ольгу за невозможный идеал, созданный творческою фантазиею автора. Естественность и присутствие сознания — вот что отличает Ольгу от обыкновенных женщин. Из этих двух качеств вытекают правдивость в словах и в поступках, отсутствие кокетства, стремление к развитию, умение любить просто и серьезно, без хитростей и уловок, умение жертвовать собою своему чувству настолько, насколько позволяют не законы этикета, а голос совести и рассудка.

А. В. Дружинин

«ОБЛОМОВ», РОМАН И. А. ГОНЧАРОВА

Он реалист, но его реализм постоянно согрет глубокой поэзией; по своей наблюдательности и манере творчества, он достоин быть представителем самой натуральной школы, между тем как его литературное воспитание и влияние поэзии Пушкина — любимейшего из его учителей — навеки отдаляют от г. Гончарова самую возможность бесплодной и сухой натуральности... Напрасно и до сей поры многие нежные дамы смотрят на Илью Ильича как на существо, достойное посмеяния, — напрасно многие люди с чересчур практическими стремлениями усиливаются презирать Обломова и даже звать его улиткою: весь этот строгий суд над героем показывает одну поверхностную и быстро преходящую придирчивость. Обломов любезен всем нам и стоит беспредельной любви — это факт, и против него спорить невозможно. Сам его творец беспредельно предан Обломову, и в этом вся причина глубины его создания. Обвинить Обломова за его обломовские качества, не значит ли то же, что сердиться на то, аачем добрые и пухлые лица фламандских бургомистров, на фламандских картинах, не украшены черными глазами неаполитанских рыбаков или римлян из Трастевере? Метать громы на общество, рождающее Обломовых, по нашему мнению, то же самое, что сердиться за недостаток снеговых гор в картинах Рюйздаля...

«Сон Обломова» — это великолепнейший эпизод, который останется в нашей словесности на вечные времена, — был первым, могущественным шагом к уяснению Обломова с его обломовщиной. Романист, жаждущий разгадки вопросам, занесенным в его душу его же созданием, потребовал ответа на эти вопросы; за ответами обратился он к тому источнику, к которому ни один человек с истинным дарованием не обращался напрасно. Ему надобно было, наконец, узнать, из-за какой же причины Обломов владеет его помыслами, отчего ему мил Обломов, из-за чего он недоволен первоначальным объективно-верным, но неполным, не высказывающим его помыслов Обломовым...

Ольга поняла Обломова ближе, чем понял его Штольц, ближе, чем все лица, ему преданные. Она разглядела в нем и нежность врожденную, и чистоту нрава, и русскую незлобивость, и рыцарскую способность к преданности, и решительную неспособность на какое-нибудь нечистое дело, и наконец — чего забывать не должно — разглядела в нем человека оригинального, забавного, но чистого и несколько не презренного в своей оригинальности. Раз ставши на эту точку, художник дошел до такой занимательности действия, до

такой прелести во всем ходе событий, что неудавшаяся, печально кончившаяся любовь Ольги и Обломова стала и навсегда останется одним из обворожительнейших эпизодов во всей русской литературе.

И. Анненский

ГОНЧАРОВ И ЕГО ОБЛОМОВ

Гончаров жил и творил главным образом в сфере зрительных впечатлений: его впечатляли и привлекали больше всего картины, позы, лица; сам себя называет он рисовальщиком, а Белинский чрезвычайно тонко отметил, что он увлекается своим умением рисовать. Интенсивность зрительных впечатлений, по собственным признаниям, доходила у него до художественных галлюцинаций. Вот отчего описание преобладает у него над повествованием, материальный момент над отвлеченным, краски над звуками, типичность лиц над типичностью речей...

Гончаров был разборчив на впечатления. Душа его точно свертывалась от прикосновения к темным сторонам жизни. Зато упорно и прочно нарастали в ней приятные впечатления, и из них медленно и грузно слагались его скульптурные образы. Это была осторожная, флегматичная и консервативная натура. Созерцатель по преимуществу, Гончаров и дорожил особенно обстановкой созерцания: к новой жизни он не спешил, не ввязывался в мир непривычных, ощущений, но зато держался цепко за любимые впечатления; он бережно выбирал их из наплывающей отовсюду жизни, созидал из них приятную для себя обстановку и углублял свой поэтический запас новыми наслоениями. Под экватором и в светской гостиной — все равно — Гончаров ищет не новых ощущений: он лишь соглашает свои привычные впечатления с новыми и смотрит, как это старое выглядит под новым солнцем...

Как в лирике поэта мы ищем центра, преобладающего мотива, так в романическом творчестве среди массы типических изображений мы ищем типа центрального. У большей части крупных поэтов есть такие типы-ключи: они выясняют нам многое в мировоззрении автора, в них частично заключаются элементы других типов того же поэта. У Гоголя таким типом-ключом был Чичиков, у Достоевского — Раскольников и Иван Карамазов, у Толстого — Левин, у Тургенева — Рудин и Павел Кирсанов. Тут дело не в автобиографических элементах, конечно, а в интенсивности душевной работы, отразившейся в данном образе.

У Гончарова был один такой тип — Обломов.

Обломов служит нам ключом и к Райскому, и к бабушке, и к Марфиньке, и к Захару.

В Обломове поэт открыл нам свою связь с родиной и со вчерашним днем, здесь и грезы будущего, и горечь самосознания, и радость бытия, и поэзия, и проза жизни; здесь душа Гончарова в ее личных, национальных и мировых элементах...

Илья Ильич Обломов не обсевок в поле. Это человек породистый: он

красив и чисто плотен, у него мягкие манеры и немножко тягучая речь. Он умен, но не цепким, хищным, практическим умом, а скорее тонким, мысль его склонна к расплывчатости.

Хитрости в нем нет, еще менее расчетливости. Если он начинает хитрить, у него это выходит неловко. Лгать он не умеет или лжет наивно.

В нем ни жадности, ни распутства, ни жестокости: с сердцем более нежным, чем страстным, он получил от ряда рабовладельческих поколений здоровую, чистую и спокойно текущую кровь — источник душевного целомудрия. Обломов эгоист. Не то, чтобы он никого не любил, — вспомните эту жаркую слезу, когда во сне вспомнилась мать, он любил Штольца, любил Ольгу, но он эгоист по наивному убеждению, что он человек особой породы и на него должны работать принадлежащие ему люди. Люди должны его беречь, уважать, любить и все за него делать; это право его рождения, которое он наивно смешивает с правом личности...

Обломова любят. Он умеет внушить любовь, даже обожание в Агафье Матвеевне. Припомните конец романа и воспоминание о нем Захара. Он, этот слабый, капризный, неумелый и изнеженный человек, требующий ухода, — он мог дать счастье людям, потому что сам имел сердце.

Обломов не дает нам впечатления пошлости. В нем нет самодовольства, этого главного признака пошлости. Он смутится в постороннем обществе, наделает глупостей, неловко солжет даже; но не будет ломаться, ни позировать. В самом деле, отчего его жизнь, такая пустая, не дает впечатления пошлости? Посмотрите, в чем его опасения: в мнительности, в страхе, что кто-нибудь нарушит его покой; радости — в хорошем обеде, в довольных лицах вокруг, в тишине, порой — в поэтической мечте...

В своих романических приключениях Обломов жалок; жалостно в нем это чередование юного задора со старческим утомлением. Но весь роман с его стороны со всеми блесками поэзии и густым слоем прозы, весь от первого признания — «я чувствую не музыку, а любовь» — и до горячки в развязке проникнут какою-то трогательной искренностью и чистотой чувства. Ольга — это одна из русских миссионерок.

Долгое рабство русских заключенниц, материнство с болезнями, но без радости и в виде единственного утешения церковь — вот на такой почве выросли русские Елены, Лизы, Марианны: их девиз — пострадать, послужить, пожертвовать собой!..

Ольга миссионерка умеренная, уравновешенная. В ней не желание пострадать, а чувство долга. Для нее любовь есть жизнь, а жизнь есть долг.

Миссия у нее скромная — разбудить спящую душу. Влюбилась она не в Обломова, а в свою мечту.

ДЛЯ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ

1. Сколько времени длится действие первой части романа?
2. Захар «...потребности свои измерял гривнами и гривенниками». Какими такими монетами измерял свои потребности Захар?
3. По какому календарю сверяют свою жизнь герои «Обломова»?
4. Имя и отчество отца Ильи Ильича Обломова?
5. Семейное положение Агафьи Матвеевны до встречи с Обломовым?
6. Как фамилия бывшего сослуживца Обломова, описанного в романе следующим образом: *«Это был господин в темно-зеленом фраке с гербовыми пуговицами, гладко выбритый, с темными, ровно окаймлявшими его лицо бакенбардами, с утружденным, но спокойно-сознательным выражением в глазах, с сильно потертым лицом, с задумчивой улыбкой»*?
7. Какого числа начинается действие романа «Обломов»?
8. Употребление капиталов, признанное в Обломовке наиболее оптимальным?
9. Имя жены Захара?
10. Имя горничной, прислуживающей Ольге Ильинской?
11. В Обломовке верили в приметы. Так, в своем сне Илья Ильич видит следующую сцену: *«— Ах ты, господи! — всплеснув руками, сказала жена. — ... Покойник — когда переносье чешется...»* И далее перечисляются приметы: *какая часть лица и тела к чему чешется. Попробуйте и вы вставить нужные слова (уши, подошвы, лоб, локоть, усы, кончик носа, брови, губы) в перечисление: ... — в рюмку смотреть; ... — слезы; ... — кланяться; ... — к дождю; ... — целоваться; ... — гостинцы есть; ... — на новом месте спать; ... — дорога.*
12. Объясните происхождение названия «перочинный нож».

ОТВЕТЫ

1. Один неполный день.
2. Десятикопеечными монетами. Гривна — 10 копеек медью.
Гривенник — 10 копеек серебром.
3. По церковному. В основном датировка производится по названиям церковных и народных праздников — на Пасху, в Ильин день, за неделю до Троицы и т. п.
4. Илья Иванович.
5. Вдова.
6. Судьбинский.
7. Первого мая.
8. Держать их в сундуке.
9. Анисья.
10. Катя.
11. Кончик носа — в рюмку смотреть; брови — слезы; лоб — кланяться; уши — к дождю; губы — целоваться; усы — гостинцы есть; локоть — на новом месте спать; подошвы — дорога.
12. В XIX в. писали не стальными, а гусиными перьями, которые затачивали, т. е. чинили специальным ножичком. Так, Алексеев предлагает Обломову: *«Я бы вам перышко очинил»*.

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Гончаров И. А. Собр. соч. М., 1952— 1955. Т. 1—8.

Гончаров И. А. Собр. соч. М., 1977— 1980. Т. 1—8.

Гончаров И. А. Очерки. Статьи. Письма. Воспоминания современников. М., 1986.

Гончаров И. А. Обломов. Роман: В 4 ч. Л., 1987. (Лит. памятники).

Алексеев А. Д. Гончаров в портретах, иллюстрациях, документах. Л., 1960.

Алексеев А. Д. Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова. М.; Л., 1960.

Гаецкий Ю. А. Миллион терзаний: Повесть о Гончарове. М., 1968.

И. А. Гончаров в воспоминаниях современников. Л., 1969.

Есинков В. Отпуск: Роман [об И. А. Гончарове]. М., 1985.

Лошиц Ю. Гончаров М., 1986. (ЖЗЛ).

Цейтлин А. Г. И. А. Гончаров. М., 1950.

Десницкий В. А. Трилогия Гончарова // Десницкий В. А. Избранные статьи по русской литературе XVIII— XIX вв. М.; Л., 1958.

Пруцков Н. И. Мастерство Гончарова-романиста. М.; Л., 1962.

Рыбасов А. П. И. А. Гончаров. М., 1962.

И. А. Гончаров в русской критике. М., 1968.

Алексеев А. Д. Библиография И. А. Гончарова. Гончаров в печати. Печать о Гончарове (1832 — 1964). Л., 1968.

Краснощекова Е. «Обломов» И. А. Гончарова. М., 1970.

Петрова Н. К. И. А. Гончаров. М., 1979.

Деркач С. С. Гончаров и кружок Малковых // Уч. зап. ЛГУ. Сер.

филол. наук. 1971. № 355. Вып. 76.

Лихачев Д. С. Нравоописательное время у Гончарова // Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979.

Гейро Л. С. Роман Гончарова «Обрыв» и русская поэзия его времени // Рус. лит. 1974. № 1.

Гейро Л. С. О проблемах научного издания Гончарова // Рус. лит., 1982. № 3.

Битюгова И. А. Роман Гончарова «Обломов» в художественном восприятии Достоевского //

Достоевский: Материалы и исследования. Т. 2. Л., 1976.

Краснощекова Е. А. Гончаров и русский романтизм 20 —30-х гг. // Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз. 1975. Т. 34. № 4.

Краснощекова Е. А. Критическое наследие Гончарова // Гончаров — критик. М., 1981.

Демиховская О. А. Вопросы искусства в творчестве Гончарова 1870-х гг. // Проблемы эстетики и поэтики. Ярославль, 1976.

Лотман Л. М. И. А. Гончаров // История русской литературы. Т. 3. Л., 1982.

Мельник В. И. Философские мотивы в романе И. А. Гончарова «Обломов»: К вопросу о соотношении «социального» и «нравственного» в романе // Рус. лит. 1982. № 3.

Елизаветина Г. Великий мастер слова: К 175-летию со дня рождения И. А. Гончарова // Молодая гвардия. 1987. № 6.

Бобырь А. В. «Единственный и лучший путь — любовь к детям»: К 175-летию со дня рождения И. А. Гончарова // Сов. педагогика.

1987. № 8. Мерлин В. Как живете, Обломов? // Простор.

1988. № 5.

Тихомиров В. Н. И. А. Гончаров: Литературный портрет. Киев, 1991.

Роман И. А. Гончарова «Обломов» в русской критике. Л., 1991.

Орнатская Т. И. «Обломок» ли Илья Ильич Обломов? // Рус. лит. 1991. № 4.

Ляпушкина Е. И. Идиллические мотивы в русской лирике начала XIX века и роман И. А. Гончарова «Обломов» // От Пушкина до Белого: проблемы поэтики русского реализма XIX — начала XX в. СПб., 1992.

Первая Международная конференция памяти И. А. Гончарова // Рус. лит. 1992. № 1.

Архипов А. В., Федорова А. В. Юбилейная научная конференция, посвященная Достоевскому и Гончарову // Рус. лит. 1992. № 2.

Котельников В. А. Иван Александрович Гончаров. М., 1993.

Материалы Международной конференции, посвященной 180-летию со дня рождения И. А. Гончарова. Ульяновск, 1994.

Отрадин М. В. Проза И. А. Гончарова в литературном контексте. СПб., 1994.

Переписка И. А. Гончарова с Великим князем Константином Константиновичем // Рус. архив. Т. 5. М., 1994.

Сердюкова О. И. Гончаров — романист. Самара, 1994.

Мельник Т. В. И. А. Гончаров и французская литература. Ульяновск, 1995.

И.А.ГОНЧАРОВ ОБ ОБЩЕСТВЕННОМ ЗНАЧЕНИИ ЛИТЕРАТУРЫ И О СВОЁМ ТВОРЧЕСТВЕ:

Как скоро допустим, что на искусстве лежит серьезный долг — смягчать и улучшать человека, то мы должны допустить, что прежде всего оно должно представлять ему нелестливое зеркало его глупостей, уродливостей, страстей, со всеми последствиями, словом — осветить все глубины жизни, обнажить ее скрытые основы и весь механизм, — тогда с сознанием явится и знание, как остеречься <...>

«Намерения, задачи и идеи романа «Обрыв»»

1872 г.

<..._> Художественная правда есть прямая цель искусства, как правда историческая есть цель историка, археологии <...> Почему же художнику не проникать ясновидящим оком творчества в глубину веков и не воскрешать из прошлого вещественные черты лица, характер события или предметов, как они должны быть или совершаться, не жертвуя, конечно, правде художественной исторической правдой <...>

««Христос в пустыне». Картина г.Крамского».

1871 г.

Гончаров — П-В-Анненкову¹. *<...> Получаете ли Вы журналы? Взгляните, пожалуйста, статью Добролюбова об «Обломове»: мне кажется, об обломовщине, то есть о том, что она такое, уже сказать после этого ничего нельзя. Он это, должно быть, предвидел и поспешил напечатать прежде всех. Двумя замечаниями своими он меня поразил: это прониканием того, что делается в представлении художника. Да как же он, не художник — знает это? Этими искрами, местами рассеянными там и сям, он живо напомнил то, что целым пожаром горело в Белинском. После этой статьи критику остается, чтоб не повториться, или задаться порицанием, или, оставя собственно обломовщину в стороне, говорить о женищинах. Такого сочувствия и эстетического анализа я от него не ожидал, воображая его гораздо суше. Впрочем, может быть, я пристрастен к нему, потому что статья вся очень в мою пользу <...>*

1859 г. Анненков П.В. (1813—1887) — критик, издатель сочинений Пушкина.

Трилогия романов

«Лучше поздно, чем никогда»

Критические заметки

<...> Со времени появления романа «Обрыв» в 1869 году мне пришлось прочесть немало суровых, даже раздражительных приговоров в печати; напротив того, в обществе лично я встречал много сочувствия, выражавшегося в горячих, иногда восторженных, конечно преувеличенных похвалах.

Я получал и письма от некоторых любителей литературы, наполненные теми же похвалами, которые всего более относились к моей «живописи»: и в «Обрыве» и в других моих романах находили целые «галереи» картин, лиц, портретов, за которые хотели поставить меня на высокий пьедестал в литература

Но я, в ответах своих, и письменно, и устно, уклонялся от всяких, слишком лестных похвал. Эти похвалы имели бы для меня гораздо более цены, если бы в моей живописи, за которую меня особенно хвалили, найдены были те идеи и вообще все то, что, сначала инстинктивно, потом, по мере того как подвигались мои авторские работы вперед, заметно для меня самого, укладывалось в написанные мною образы, картины и простые, несложные события.

Иные не находили или не хотели находить в моих образах и картинах ничего, кроме более или менее живо нарисованных портретов, пейзажей, может быть, живых копий с нравов — и только.

За что же тут хвалить? Разве так трудно вообще для таланта, если он есть, нагромоздить в кучу лица провинциальных старух, учителей, женщин, девиц, дворовых людей и т.п.? Что за заслуга? Все бы это не заслуживало ни чрезмерных восхвалений, ни чрезмерных поношений, которыми, то есть последними, меня осыпали не скупое, особенно в печати.

Только когда я закончил свои работы, отошел от них на некоторое расстояние и время, — тогда стал понятен мне вполне и скрытый в них смысл, их значение — идея. Напрасно я ждал, что кто-нибудь и кроме меня прочтет между строками и, полюбив образы, свяжет их в одно целое и увидит, что именно говорит это целое? Но этого не было.

Мог бы это сделать и сделал бы Белинский, но его не было. Потом, с наступлением реформ, на очередь стали другие вопросы, важнее вопросов искусства, и оттеснили последнее на второй план. Все молодое и свежее поколение жадно отозвалось на зов времени и приложило свои дарования и силы к злобе и работе дня. Было не до эстетических критик. А тут еще вторгнулось в общество новое явление, так называемый нигилизм, явление сложное — и заглушило, на время, конечно, чистый вкус, здравые понятия в

искусстве, примешав к нему Бог знает что. И критика, как и само искусство, от крупного, мыслящего и осмысливающего синтеза перешла к мелкому анализу.

И в огромной толпе моих лиц она также погрузилась в мелкий анализ их, не добираясь до синтеза. Читатели терялись в обширной рамке, останавливаясь, то с одобрением, то с порицанием, кто перед Бабушкою, кто перед Марфенькой, другие перед Верой, и почти все пятились от Волохова, находя его «резким, растрепанным», негодным и ненужным в романе. Многие видели в нем будто бы резкую карикатуру на молодое поколение, другие пожимали плечами, удивляясь, как я мог поставить такого уроды рядом с чистою, изящною Верой. Об этом скажу подробно ниже. И тем покончили, сдав дело в архив.

Больше ничего не видели — и замолчали. Молчал и я; мне нечего было делать: нельзя было ходатайствовать за свое детище, выводить его в публику, объявлять, что оно такое-сякое, словом, рекомендовать. Я молчал потому, что если не заметили и не нашли того другие, что замечаю и нахожу я сам, значит, я — слабый художник, и образы и картины мои не говорят ничего, кроме того, что говорят висящие по стенам портреты, красивые или некрасивые, похожие или непохожие, с добрыми, злыми или гордыми лицами — и больше ничего!

Хорошо еще, что хвалили за колорит, за верность лиц, за живость пейзажа — и то слава Богу!

Хотел, было, однако, я, в 1870 году, сделать несколько возражений некоторым критикам, собственно по поводу Волохова и Веры, защитить их и себя, но раздумал, чтобы не напрашиваться на новые, еще более раздражительные отзывы, нежели какие обращены были ко мне тогда, именно за то, что будто бы я в Волохове изображал представителя нового поколения! Эти возражения были предметом довольно обширного предисловия, которое я намеревался напечатать при отдельном издании «Обрыва», но отложил, говорю я, и возьму оттуда теперь сюда то, что покажется мне уместным.

Если молчал столько времени — зачем же теперь принимаюсь сам объяснять свою книгу или, лучше сказать, свои книги, потому что придется затронуть мимоходом и первые два мои романа, говоря о последнем, ибо скажу прежде всего, что они, особенно «Обломов» и «Обрыв», тесно и последовательно связаны между собою, как связаны отразившиеся в них, как в капле воды, периоды русской жизни.

Пишу прежде всего для тех, не составляющих уже теперь большинства в обществе, любителей художественной литературы, которые еще нередко продолжают в разговорах со мною обращаться к «Обрыву» и среди которых найдется более сочувствия и, следовательно, более чуткости, определительности и беспристрастия в оценке — и самых образов и того, что они выражают, если они выражают какой-нибудь другой смысл, кроме портретного сходства и яркости кисти. Если и они не найдут, ничего, тогда я уже и сам, после опыта, перестану находить ключ к моим сочинениям.

Стало быть, прежде всего мне это нужно для проверки себя, прав я или нет, — и если со мной согласятся и другие и найдут, что я в значительной степени прав, тогда, с объяснением внутреннего значения моих картин, объяснится само собой и то, в чем собственно состоит заслуга романиста, если он художник <...>

Когда я писал «Обыкновенную историю», я, конечно, имел в виду и себя, и многих подобных мне, учившихся дома или в университете, живших по затишьям, под крылом добрых матерей, и потом — отрывавшихся от неги, от домашнего очага, со слезами, с проводами (как в первых главах «Обыкновенной истории») и являвшихся на главную арену деятельности, в Петербург.

И здесь — в встрече мягкого, избалованного ленью и барством мечтателя-племянника с практическим дядей — выразился намек на мотив, который едва только начал разыгрываться в самом бойком центре — в Петербурге. Мотив этот — слабое мерцание сознания, необходимости труда, настоящего, не рутинного, а живого дела, в борьбе с всероссийским застоєм.

Это отразилось в моем маленьком зеркале в среднем чиновничьем кругу. Без сомнения, то же — в таком же духе, тоне и характере, только в других размерах, разыгрывалось и в других, и в высших и низших, сферах русской жизни.

Представитель этого мотива в обществе был дядя: он достиг значительного положения в службе, он директор, тайный советник, и, кроме того, он сделался и заводчиком. Тогда, от 20-х до 40-х годов, это была смелая новизна, чуть не унижение (я не говорю о заводчиках-барах, у которых заводы и фабрики входили в число родовых имений, были оброчные статьи и которыми они сами не занимались). Тайные советники мало решались на это. Чин не позволял, а звание купца — не было лестно.

В борьбе дяди с племянником отразилась и тогдашняя, только что начинавшаяся ломка старых понятий и нравов — сентиментальности, карикатурного преувеличения чувств дружбы и любви, поэзия праздности, семейная и домашняя ложь напускных, в сущности небывалых чувств (например, любви с желтыми цветами старой девы-тетки и т.п.), пустая трата времени на визиты, на ненужное гостеприимство и т.д.

Словом, вся праздная, мечтательная и аффектационная сторона старых нравов с обычными порывами юности — к высокому, великому, изящному, к эффектам, с жаждою высказать это в трескучей прозе, всего более в стихах.

Все это — отживало, уходило; являлись слабые проблески новой зари, чего-то трезвого, делового, нужного.

Первое, то есть старое, исчерпывалось в фигуре племянника — и от того он вышел рельефнее, яснее.

Второе — то есть трезвое сознание необходимости дела, труда, знания — выразилось в дяде, но это сознание только нарождаюсь, показались первые симптомы, далеко было до полного развития — и понятно, что начало могло выразиться слабо, неполно, только кое-где, в отдельных лицах и маленьких группах, и фигура дяди вышла бледнее фигуры племянника.

Наденька, девушка, предмет любви Адуева, — вышла также отражением своего времени. Она уже не безусловно покорная дочь перед волей каких бы ни было родителей. Мать ее слаба перед ней и едва в состоянии сохранить только внешний вид авторитета матери, хотя и уверяет, что она строга, даром что молчит, и что будто Наденька ни шагу без нее не ступит. Неправда, она сама чувствует, что слаба и слепа до того, что допускает отношения дочери и к Адуеву и к графу, не понимая, в чем дело.

Дочь несколькими шагами — впереди матери. Она без спросу полюбила Адуева и почти не скрывает этого от матери или молчит только для приличия, считая за собою право распоряжаться по-своему своим внутренним миром и самим Адуевым, которым, изучив его хорошо, овладела и командует. Это ее послушный раб, нежный, бесхарактерно-добрый, что-то обещающий, но мелко самолюбивый, простой, обыкновенный юноша, каких везде — легион. И она приняла бы его, вышла бы замуж — и все пошло бы обычным ходом.

Но явилась фигура графа, сознательно-умная, ловкая, с блеском. Наденька увидела, что Адуев не выдерживает сравнения с ним ни в уме, ни в характере, ни в воспитании. Наденька в своем быту не приобрела сознания ни о каких идеалах мужского достоинства, силы, и какой силы?

Тогда их и не было, этих идеалов, как не было никакой русской, самостоятельной жизни. Онегины и подобные ему — вот кто были идеалы, то есть франты, львы, презиравшие мелкий труд и не знавшие, что с собой делать!

Ее достало разглядеть только, что молодой Адуев — не сила, что в нем повторяется все, что она видела, тысячу раз во всех других юношах, с которыми танцевала, немного кокетничала. Она на минуту прислушалась к его стихам. Писание стихов было тогда дипломом на интеллигенцию. Она ждала, что сила, талант кроются там. Но оказалось, что он только пишет сносные стихи, но о них никто не знает, да еще дуется про себя на графа за то, что этот прост, умен и держит себя с достоинством. Она перешла на сторону последнего: в этом пока и состоял сознательный шаг русской девушки — безмолвная эмансипация, протест против беспомощного для нее авторитета матери.

Но тут и кончилась эта эмансипация. Она сознала, но в действие своего сознания не обратила, остановилась в неведении, так как и самый момент эпохи был моментом неведения. Никто еще не знал, что с собой делать, куда идти, что начать? Онегин и подобные ему «идеалы» только тосковали в бездействии, не имея определенных целей и дела, а Татьяны не ведали.

«Что же из этого будет? — в страхе спрашивает Наденьку Адуев. — Граф не женится?»

«Не знаю!» — отвечает она в тоске. И действительно, не знала русская девушка, как поступить сознательно и рационально в том или другом случае. Она чувствовала только смутно, что ей можно и пора протестовать против отдачи ее замуж родителями, и только могла, бессознательно конечно, как

Наденька, заявить этот протест, забрав одного и перейдя чувством к другому.

Тут я и оставил Наденьку. Мне она была больше не нужна как тип, а до нее, как до личности, мне не было дела.

И Белинский однажды заметил это. «Пока ему нужна она, до тех пор он с ней и возится! — сказал он кому-то при мне. — А там и бросит!»

А меня спрашивали многие, что же было с нею дальше? Почему я знаю? Я рисовал не Наденьку, а русскую девушку известного круга той эпохи, в известный момент. Сам я никакой одной Наденьки лично не знал или знал многих.

Мне скажут, что как ее, так и другие фигуры бледны — и типов собою не образуют: очень может быть — об этом я спорить не могу. Я только говорю, что сам под ними разумел.

В начале 40-х годов, когда задумывался и писался этот роман, я еще не мог вполне ясно глядеть в следующий период, который не наступал, но предчувствия которого жили уже во мне, потому что вскоре после напечатания, в 1847 году в «Современнике», «Обыкновенной истории» — у меня уже в уме был готов план Обломова, а в 1848 году (или 1849 году — не помню) я поместил в «Иллюстрированном» сборнике» при «Современнике» и «Сон Обломова» — эту увертюру всего романа, следовательно, я переживал про себя в воображении и этот период и благодаря своей чуткости предчувствовал, что следует далее. Теперь могу отвечать, «что случилось с Наденькой?».

Смотрите в «Обломове» — Ольга есть превращенная Наденька следующей эпохи. Но до этого дойдем ниже.

Адуев кончил, как большая часть тогда: послушался практической мудрости дяди, принялся работать в службе, писал и в журналах (но уже не стихами) и, пережив эпоху юношеских волнений, достиг положительных благ, как большинство, занял в службе прочное положение и выгодно женился, словом, обделал свои дела. В этом и заключается «Обыкновенная история».

Она — в моих книгах — первая галерея, служащая преддверием к следующим двум галереям или периодам русской жизни, уже тесно связанным между собою, то есть к «Обломову» и «Обрыву» или к «Сну» и к «Пробуждению» <...>

Я не останавлиюсь долго над «Обломовым». В свое время его разобрали, и значение его было оценено и критикой, особенно в лице Добролюбова, и публикою весьма сочувственно.

Воплощение сна, застоя, неподвижной, мертвой жизни — переползание изо дня в день — в одном лице и в его обстановке — было всеми найдено верным — и я счастлив.

Я закончил свою вторую картину русской жизни, Сна, нигде не пробудив самого героя Обломова.

Только Штольц время от времени подставлял ему зеркало обломовской бездонной лени, апатии, сна. Он истощил, вместе с Ольгой, все силы к пробуждению его — и все напрасно.

В последнем свидании со Штольцем только вырывается у Обломова несколько сознательных слов — и напрасно я вставил их. Я поместил их в конце, когда один приятель, гонявшийся всегда в произведениях искусства за сознательной мыслью, но мало вообще доступный непосредственному действию образа, заметил мне: «Что же он, ужели не отзовется на призыв Штольца?»

Я и вставил несколько слов, из которых выглядывает сознание и самого Обломова.

И образ его немного, так сказать, тронулся от этого, немного потерял целостности характера: в портрете оказалось пятно. Но это, к счастью, в самом конце. Не надо было трогать вовсе. Недаром Белинский, в своей рецензии об «Обыкновенной истории», упрекнул меня за то, что я там стал «на почву сознательной

мысли»!

Образы так образы: ими и надо говорить. Штольц, уходя в последний раз, в слезах говорит: «Прощай старая Обломовка: ты отжила свой век!»

И того бы не нужно говорить. Обломов сам достаточно объясняет себя, прося Штольца уйти, не трогать его, говоря, что он прирос одною больною половиною к старому, отдели — будет смерть. Этим бы и следовало закончить вторую картину Сон, то есть непробудным сном; потому что далее, за обломовским хребтом <...> мне открывалась дальнейшая, третья перспектива: это картина Пробуждения.

<...> Скажу несколько слов о Штольце в «Обломове».

Меня упрекали за это лицо — и с одной стороны справедливо. Он слаб, бледен — из него слишком голо выглядывает идея. Это я сам сознаю. Но меня упрекали, зачем я ввел его в роман? Отчего немца, а не русского поставил я в противоположность Обломову?

Я мог бы ответить на это, что, изображая лень и апатию во всей ее широте и закоренелости, как стихийную русскую черту, и только одно это, я, выставив рядом русского же, как образец энергии, знания, труда, вообще всякой силы, впал бы в некоторое противоречие с самим собою, то есть с своей задачей — изображать застой, сон, неподвижность. Я разбавил бы целостность одной, избранной мною для романа стороны русского характера.

Но я молча слушал тогда порицания, соглашаясь вполне с тем, что образ Штольца бледен, не реален, не живой, а просто идея <...>

Обращаюсь к «Обрыву». Там на первом плане — Райский и Бабушка, потом Вера, Волохов, Марфенька и Викентьев, далее учитель Козлов с женою, большая дворня и, наконец, Тушин.

Что же представляет эта группа? Ужели ничего больше, кроме портретов, индивидуальных характеров, мало связанных с общею жизнью известного момента?

Так иные и смотрели. Некоторые упрекали меня, зачем я так пложу и растягиваю те или другие сцены? зачем обременяю их подробностями?

довольно бы-де одним намеком, несколькими словами, штрихом, маленькой сценой — выразить мысль.

Но я выражал прежде всего не мысль, а то лицо, тот образ, то действие, которое видел в фантазии. Поступи я по совету этой критики, у меня не вышло бы ни одной живой и полной фигуры, законченного портрета, а вышли бы сухие рисунки, силуэты, эскизы карандаша. Зачем же мне карандаш, если, как говорят, у меня есть кисть?

Теперь скажу, что я сам вижу в этих фигурах.

Что такое Райский! Да все Обломов, то есть прямой, ближайший его сын, герой эпохи Пробуждения.

Обломов был цельным, ничем не разбавленным выражением массы, покоившейся в долгом и непробудном сне и застое. И критика и публика находили это: почти все мои знакомые на каждом шагу, смеясь, говорили мне, по выходе книги в свет, что они узнают в этом герое себя и своих знакомых.

Райский — герой следующей, то есть переходной, эпохи. Это проснувшийся Обломов: сильный, новый свет блеснул ему в глаза. Но он еще потягивается, озираясь вокруг и оглядываясь на свою обломовскую колыбель.

Что-то пронеслось новое и живое в воздухе, какие-то смутные предчувствия, потом прошли слухи о новых началах, преобразованиях; обнаружилось движение в науке, в искусстве; с профессорских кафедр послышались живые речи. В небольших кружках тогдашней интеллигенции смело выражалась передовыми людьми жажда перемен. Их называли «людьми сороковых годов». Райский — есть, конечно, один из них — и, может быть, что-нибудь и еще.

Райский — натура артистическая: он восприимчив, впечатлителен, с сильными задатками дарований, но он все-таки сын Обломова.

Он, умом и совестью, принял новые животворные семена — но остатки еще не вымершей обломовщины мешают ему обратить усвоенные понятия в дело. Он совался туда, сюда — но он не был серьезно приготовлен наукой и практикой к какой-нибудь государственной, общественной или частной деятельности, потому что на всех этих сферах еще лежала обломовщина, тихое, монотонное течение сонных привычек, рутина. Живое дело только что просыпалось. Россия доживала век петровских реформ — и ждала новых.

Райский мечется и, наконец, благодаря природному таланту или талантам бросается к искусству: к живописи, к поэзии, к скульптуре. Но и тут, как гири на ногах, его тянет назад та же «обломовщина» <...>

В Райского входили, сначала бессознательно для меня самого, и многие типические черты моих знакомых и товарищей. В обществе, в образованной среде, побегι новых, свежих стремлений мешались и путались еще с терниями и волчцами обломовщины разного рода — и вольной и невольной, с разными приманками праздного житья-бытья, и с трудностями упорной борьбы с старым. Застой, отсутствие специальных сфер деятельности, служба, захватывавшая и годных и негодных, и нужных и ненужных и

распложавшая бюрократию, все еще густыми тучами лежали на горизонте общественной жизни: группа новых людей устремилась к их рассеянию <...>

Райский талантлив — но приготовительная школа для таланта трудная, требующая всего человека, и для него, выросшего еще в период обломовского сна, неодолима, и некогда ему было: новая эпоха застала его уже взрослым. Он бросается к живописи, от живописи к скульптуре, пишет роман, не приготовленный техникой ни к тому, ни к другому из этих искусств.

Новые идеи кипят в нем: он предчувствует грядущие реформы, сознает правду нового и порывается ратовать за все те большие и малые свободы, приближение которых чуялось в воздухе. Но только порывается <...>

Двадцать лет тянулось писание этого романа, — иначе и быть не могло. Он писался, как тянулся период самой жизни.

В «Обрыве», на моих пигмеях, в крошечном озере, отразилось состояние брожения, борьба старого с новым.

Я следил за отражением этой борьбы на знакомом мне уголке, на знакомых лицах.

Следил, — говорю я, — надо бы сказать: смотрел и писал, даже не думая, что вбираю в себя впечатлительным воображением лица и явления, окрасившиеся в краски момента, и такими выдаю их назад, то есть кладу на бумагу. В этом весь процесс.

Я сам не могу смотреть на свой романы иначе, как в их последовательной связи. Я жил в трех эпохах, и они оттиснулись во мне и в моих сочинениях, в доступном мне быту, насколько хватило у меня сил и таланта.

Райский, на родине,, объявил ту же войну старому, отжившему. Он воюет с Бабушкой, спорит, горячится, но любит ее, как мать; схватывается и с Марфенькою и с Верою. Но воюет также из корыстных видов с двумя последними, как и с Беловодовой. Воображение, раздраженное их красотой, влечет его к победе над ними. Но одна обезоруживает его своей детской чистотой, другая — сознательною силою.

Бабушке он уступает, потому что и сам, хотя и воюет против изнеженности, барства и старого быта, но охотно спит на мягкой постели, хорошо ест и даже, как прямой сын Обломова, дает, ворча, снимать с себя Егору сапоги (Обломов требовал, чтобы Захар натягивал на него чулки).

Сам он живет под игом еще не отмененного крепостного права и сложившихся при нем нравов и оттого воюет только на словах, а не на деле: советует Бабушке отпустить мужиков на все четыре стороны и предоставить им делать, что они хотят; а сам в дело не вмешивается, хотя имение — его.

Это колебание и нерешительность весьма естественны: колебалось все общество русское и всякий его уголок. Крупные и крутые повороты не могут совершаться как перемена платья, они совершаются постепенно, пока все атомы брожения не осият — сильные слабым — и не сольются в одно. Таковы все переходные эпохи.

<...> В жизни, рядом с правдой, к несчастью, гнездится и ложь; и представителем этой «новой лжи» являются Волоховы! Ведь у меня в книге есть фигура бледная, неясная — намек, так сказать, но намек на настоящее новое поколение, на лучшее его большинство: это Тушин или Тушины, начиная с вершины русской лестницы и донизу!

Общество уже выкинуло Волоховых из своей среды, как болезненное явление.

Пока явление не определилось и не закончилось — колебалось и общество, следило, изучало, наконец распознало его, и оно уже исчезает с лица русской жизни.

Фигура Тушина обрисована у меня в двух-трех местах.

Это бессознательный новый человек, как его выкроила сама жизнь. Он прост, потому что создан таким, он работает, потому что иначе жизни не понимает, как не понимает и того, как можно, узнал Веру, не любить ее. Он мудро, то есть просто, здравым смыслом, решает вопросы и своей и чужой жизни, между прочим, Бабушки и Веры, когда они обратились к нему, и идет по своему пути твердым, сознательным шагом.

Он весь сложился из природных своих здоровых элементов и из обстоятельств своей жизни и своего дела, то есть долга и труда. Он простой, честный, нормальный человек, понимает и любит свое дело, к которому поставила его жизнь. Природа дала ему талант быть человеком — и ему оставалось не портить этого, оставаться на своем месте «Почувствовать и удержать в себе красоту природной простоты» — по словам Райского, в этом и вся его заслуга. Верить в эту простоту, быть искренним, понимать прелесть правды и жить ею, то есть иметь сердце и дорожить им, «если не выше, то наравне с умом». Тут весь очерк его.

Тушин давно уже хозяйничает у себя в имении на рациональных началах хозяйства и строгой справедливости, и он любит свое дело, и все новые идеи и преобразования застали его готовым.

На этом сильном, простом человеке основались надежды Бабушки окончательно извлечь Веру из бездны ее горя — и подать ей руку на остальной путь!

И он стал, «как каменная стена», и оградил ее от всяких обрывов.

«Дайте мне Веру, — говорит он в слезах отчаяния, <...> — я перенесу ее через обрыв. Она укроется под моей защитой от всяких гроз и забудет обрывы. Ведь если лес мешает идти вперед, его вырубаят, моря переплывают и прорывают горы, и вей идут смелые люди вперед!»

Да, вперед, на настоящее новое дело: это не обломовский сон и не волоховское беспочвенное блуждание!

И Райский, взглядевшись в него, решил, что Тушины — наша настоящая партия действия, наше прочное будущее: когда настанет настоящее дело, явятся, вместо утопистов, работники — Тушины «на всей лестнице русского общества» <...>

Нарисовав фигуру Тушина, насколько я мог наблюсти новых серьезных людей, я сознаюсь, что я не dokonчил как художник этот образ и остальное

<...> договорил о нем в намеках, как о представителе настоящей новой силы и нового дела уже обновленной тогда <...> России <...>

Статья впервые была напечатана в 1879 г. В ней автор выразил свои общественные и эстетические идеалы. Писатель Г.Данилевский так охарактеризовал эту статью: «Литературная исповедь ИАГончарова проникнута глубокой искренностью». Сливая своих героев и свою жизнь с жизнью всего русского общества за последнее десятилетие, он откровенно говорит о заблуждениях и болезнях своего века, бывших и его заблуждениями и страданиям

1.Творчество Ивана Александровича Гончарова.

Иван Александрович Гончаров '(1812 - 1891)' уже при жизни приобрел прочную репутацию одного из самых ярких и значительных представителей русской реалистической литературы. Его имя неизменно называлось рядом с именами корифеев литературы второй половины XIX в., мастеров, создавших классические русские романы, - И. Тургенева, Л. Толстого, Ф. Достоевского.

Литературное наследие Гончарова не обширно. За 45 лет творчества он опубликовал три романа, книгу путевых очерков «Фрегат "Паллада"», несколько нравоописательных рассказов, критических статей и мемуары. Но писатель вносил значительный вклад в духовную жизнь России. Каждый его роман привлекал внимание читателей, возбуждал горячие обсуждения и споры, указывал на важнейшие проблемы и явления современности.

Интерес к творчеству Гончарова, живое восприятие его произведений, переходя от поколения к поколению русских читателей, не иссякли в наши дни. Гончаров принадлежит к числу наиболее популярных, читаемых писателей XIX в.

Начало художественного творчества Гончарова связано с его сближением с кружком, собиравшимся в доме Н. А. Майкова, известного в 30 - 40-х гг. художника. Гончаров был учителем сыновей Майкова. Кружок Майковых посещали поэт В. Г. Бенедиктов и писатель И. И. Панаев, публицист А. П. Заблоцкий-Десятовский, соредактор «Библиотеки для чтения» В. А. Солоницын и критик С. С. Дудышкин.

Сыновья Майкова рано заявили о своих литературных дарованиях, и в 40-х гг. Аполаон и Валериан были уже центром салона Майковых. В это время их дом посещали Григорович, Ф. М. Достоевский, И. С. Тургенев, Н. А. Некрасов, Я. П. Полонский.

Гончаров пришел в кружок Майковых в конце 30-х гг. со своими, самостоятельно сформировавшимися литературными интересами. Переживший полосу увлечения романтизмом в начале 30-х гг., в бытность студентом Московского университета, Гончаров во второй половине этого десятилетия относился уже весьма критически к романтическому мировоззрению и литературному стилю. Он стремился к строгому и

последовательному усвоению и осмыслению лучших образцов русской и западной литературы прошлого, переводил прозу Гете, Шиллера, увлекался Кельманом - исследователем и интерпретатором античного искусства. Однако высшим образцом, предметом самого тщательного изучения для него было творчество Пушкина. Эти вкусы Гончарова оказали воздействие на сыновей Майкова, а через них и на направление кружка в целом.

В рассказах Гончарова, помещенных в рукописных альманахах майковского кружка, - *«Лихая болезнь»* (альманах *«Подснежник»* - 1838) и *«Счастливая ошибка»* (*«Лунные ночи»* - 1839) - ощущается сознательное стремление следовать традициям прозы Пушкина. Четкие характеристики героев, тонкая авторская ирония, точность и прозрачность фразы в ранних произведениях Гончарова особенно ощутимы на фоне прозы 30-х гг., испытавшей сильное влияние ультраромантизма А. Марлинского.

В этих произведениях Гончарова можно отметить воздействие *«Повестей Белкина»* Пушкина. Вместе с тем в них, а также и в несколько позже написанном очерке *«Иван Савич Поджабрин»* -(1842) Гончаров осваивает и переосмысляет опыт Гоголя. Свободное обращение к читателю, непосредственное, как бы воспроизводящее устную речь повествование, обилие лирических и юмористических отступлений - во всех этих особенностях рассказов и очерков Гончарова сказывается влияние Гоголя. Гончаров не скрывал того, какие литературные образцы владели в это время его воображением: он охотно цитировал Пушкина и Гоголя, предпослал рассказу «Счастливая ошибка» эпиграфы из произведений Грибоедова и Гоголя.

2.Роман «Обыкновенная история».

Ивану Александровичу Гончарову было тридцать пять лет, когда в 1847 году на страницах журнала *«Современник»* появилось его первое крупное произведение, роман *«Обыкновенная история»*, после горячего одобрения его Белинским. Роман сразу же был замечен критикой и стал событием в литературной и общественной жизни России тех лет.

В рассказе *«Счастливая ошибка»* Гончаров создал набросок образа молодого романтика - Адуева. Этот образ, а также и некоторые ситуации ранних рассказов Гончарова получили свое развитие в первом крупном произведении писателя, принесшем ему прочную литературную известность. Речь идет о романе *«Обыкновенная история»*.

История, изображенная в нем, действительно была *обыкновенной*, но это не помешало ей стать предметом ожесточенных споров и столкновений самых разнообразных взглядов, причем даже самое понимание замысла автора в разных общественных кругах толковалось по-разному.

Сближение Гончарова с кругом Белинского и его желание опубликовать свой первый роман на страницах журнала, незадолго до того приобретенного Н.А. Некрасовым и И. И. Панаевым и

объединившего вокруг себя силы «натуральной школы», закономерно. Не случайно также, что именно Белинский дал первую серьезную оценку романа.

Одним из твердых, глубоко продуманных убеждений Гончарова, явившихся идейной базой сближения писателя с кругом Белинского, была уверенность в исторической обреченности крепостного права, в том, что социальный уклад жизни, покоящийся на феодальных отношениях, изжил себя. Гончаров отдавал себе в полной мере отчет в том, какие отношения приходят на смену тягостных, устарелых, во многом позорных, но привычных, веками складывавшихся общественных форм, и не идеализировал их. Далеко не все мыслители в 40-е гг. и позже, вплоть до 60 - 70-х гг., сознавали с такой ясностью как реальность развития капитализма в России. Гончаров был первым писателем, который посвятил свое произведение проблеме конкретных социально-исторических форм осуществления общественного прогресса и сопоставил феодально-патриархальные и новые, буржуазные отношения через порожденные ими человеческие типы. Проницательность Гончарова и новизна его взгляда на историческое развитие русского общества выразилась, в частности, в соединении, органическом слиянии в его герое, воплощающем Петербург и прогресс, чиновничьего, карьерно-административного отношения к жизни и буржуазного предпринимательства с присущим ему денежно-количественным подходом ко всем ценностям.

Наблюдения над чиновниками департамента внешней торговли - негодьями нового, европейского типа - Гончаров социологически осмыслил и художественно передал в образе Петра Ивановича Адуева.

3. Образ Александра Адуева, Петербург и провинция

Деловой и деятельный административно-промышленный Петербург в романе *«Обыкновенная история»* противостоит застывшей в феодальной неподвижности деревне. В деревне время помещиков отмечается завтраком, обедом и ужином (ср. в *Евгении Онегине*: *«он умер в час перед обедом»*), сезоны - полевыми работами, благосостояние - запасами продовольствия, домашним тортом. В Петербурге весь день размечен по часам, и каждому часу соответствуют свои труды - занятия на службе, на фабрике или вечерние *«обязательные»* развлечения: театр, визиты, игра в карты.

Александр Адуев - провинциальный юноша, приехавший в Петербург с неясными самому ему намерениями, повинуетя непреодолимому стремлению выйти за пределы зачарованного мира родного поместья. Его образ служит средством характеристики поместно-дворянского и петербургского быта. Привычная деревенская жизнь в своих наиболее ярких картинах предстает перед ним в момент

расставания, когда он покидает родные места ради неизвестного будущего, и затем при возвращении его после петербургских горестей и испытаний в родное гнездо.

Следует отметить, что облик младшего Адуева во многом был определен тем воспитанием, которое он получил. Его мать, отнюдь не представлявшая собой крайнее олицетворение крепостничества, тем не менее правит своими крестьянами достаточно деспотически и не только с помощью строгих выговоров и обидных прозвищ, но иногда, *«по мере гнева и сил, тычком»*. Причем главным преступлением в имении Адуевой было не угодить Сашеньке, «не исполнить скоро его желания». В этих условиях эгоизм, свойственный вообще молодым людям, выросшим под крылом у матери, не мог не быть особенно развит у младшего Адуева – типичного помещичьего сына.

«Свежими глазами» юного Адуева *«увидел»* писатель и Петербург - город социальных контрастов, чиновничьих карьер и административного бездушия.

Гончаров сумел понять, что Петербург и провинция, а в особенности деревня - это две социально-культурные системы, два органически целостных мира и в то же время две исторические стадии состояния общества. Переезжая из деревни в город, Александр Адуев переходит из одной социальной ситуации в другую, и само значение его личности в новой системе отношений оказывается неожиданно и разительно новым для него. Целостность провинциальной крепостнической среды и крепостной деревни составлялась из замкнутых, разьединенных сфер: губернских и уездных городов, деревень, имений. В своем имении, в своих деревнях Адуев - помещик, «молодой барин» - независимо от своих личных качеств фигура не только значимая, выдающаяся, но уникальная, единственная. Жизнь в этой сфере внушает красивому, образованному, способному юному дворянину мысль, что он *«первый в мире»*, избранник. Присущие молодости и неопытности романтическое самосознание, преувеличенное чувство личности, веру в свою избранность Гончаров связал с феодальным укладом, с русским крепостническим, провинциальным бытом.

Далеко не простым был внезапный переход от спокойствия и беззаботности отчего дома в чужой, холодный, многолюдный мир, в котором предстояло завоевать себе «место в жизни», для героя *«Обыкновенной истории»* Александра Адуева, в те дни, когда он впервые оказался в Петербурге, привезя с собой из деревни маменькины гостинцы и ворох наивных, романтических представлений о жизни, в которую ему еще только предстояло вступить.

«Он вышел на улицу – суматоха, все бегут куда-то, занятые только собой, едва взглядывая на проходящих... он посмотрел на дома – и ему стало еще скучнее: на него наводили тоску эти однообразные каменные громады, которые, как колоссальные гробницы, сплошною массою тянутся одна за

другую... Тяжелые первые впечатления провинциала в Петербурге. Ему дико, грустно; его никто не замечает; он потерялся здесь; ни новости, ни разнообразия, ни толпа не развлекают его».

Надо обратить внимание на настойчиво подчеркиваемую в романе деталь: Петр Иванович Адуев, разговаривая с племянником, все время забывает имя предмета бурного увлечения Александра, называет красавицу Наденьку всеми возможными женскими именами.

Александр Адуев готов из своей неудачи, из «измены» Наденьки, которая предпочла ему более интересного кавалера, сделать выводы о ничтожестве человеческого рода, о коварстве женщин вообще и т. д., так как его любовь представляется ему исключительным чувством, имеющим особое значение.

Петр Иванович Адуев, в течение всего романа «низводящий» на землю романтические декларации племянника, дает понять, что роман Александра - заурядное юношеское волокитство. Его склонность «путать» Наденьку с другими девицами все меньше и меньше возмущает племянника, так как романтический ореол, которым он окружал эту барышню и свое чувство, блекнет в его же собственных глазах.

Именно разоблачение романтизма особенно высоко оценил в «Обыкновенной истории» Белинский: «А какую пользу принесет она обществу! Какой она страшный удар романтизму, мечтательности, сентиментальности, провинциализму». Белинский придал «Обыкновенной истории» важное значение в деле очищения общества от устарелых форм идеологии и мировосприятия.

4.Взаимоотношения Адуева-младшего с Адуевым-дядей

Молодой Адуев, приехав в Петербург, мечтает, с какой радостью обнимет своего обожаемого дядю и в каком восторге будет от него дядя. Он останавливается в трактире – и боится, что дядя осердится на него, зачем он не приехал прямо к нему. Холодный прием дяди рассеивает его провинциальные мечты.

Встреча дядюшки и племянника, поначалу представляющаяся собой всего лишь несовместимость столичного и провинциального образа жизни, в дальнейшем оборачивается столкновением двух бесконечно далеких между собой и непримиримо враждебных мировоззрения. С первых же дней их знакомства дядюшка поднимает на смех романтические бредни Александра, противопоставляя им сухой практический взгляд на вещи, целиком основанный на трезвом расчете. Разъедающий скептицизм его поучений пугает молодого Адуева – они резко и грубо вторгаются в мир мечтательного прекраснотворения, в котором он жил до сих пор. Все, что он видел в своем прекрасном сельском уединении, все, что читал в сочинениях отечественных и иностранных романтиков и сентименталистов, восстает против дядюшкиного бездушия и цинизма.

Формула речи дяди, выражающая его нежелание опекать племянника, - «*екрестить мне тебя некогда*», - под которой он в буквальном смысле слова подразумевает благословение на ночь, а в переносном - убеждение, что «*надо уметь и чувствовать и думать, словом, жить одному*» содержит помимо всего своего богатого содержания еще и выражение равнодушия.

Наивная вера в провидение, в то, что каждому человеку (в особенности же барскому дитяти) придан свой особый ангел-хранитель, под покровительство которого поступает отходящий ко сну осененный крестным знаменем юноша, являлась опорой воспитания Александра Адуева. На место веры в провидение Петр Иванович Адуев ставит уверенность в силах делового, умного, мужественного человека, принимающего отчуждение людей в современном обществе. Его практицизму, скептицизму, вере в логику соответствуют точность, краткость, конкретность его реплик, а самая его лексика отражает новые интересы, казенный опыт современного человека. Когда на восторженные, книжно-романтические, «дикие», по его мнению, речи Александра Петр Иванович бросает краткое: «Закрой клапан», - в этом резком, ироническом восклицании отражается человек, приобщенный к «железному» техническому веку. Дядя опровергает романтическую экзальтацию Александра, прежде всего потому, что она не соответствует практике эпохи. Характерен их спор об искусстве, во время которого Александр высказывает традиционно романтический взгляд на художественное творчество как наитие, а Петр Иванович утверждает правомерность отношения к нему как профессиональному оплачиваемому труду: «... *кто лучше пишет, тому больше денег, кто хуже - не прогневайся «...»* поняли, что поэт не небожитель, а человек «...», как другие «...»

- *Как другие - что вы, дядюшка! «...» Поэт заклеямен особенною печатью: в нем таится присутствие высшей силы.*

- *Как иногда в других - и в математике, и в часовщике и в вашем брате, заводчике. Ньютон, Гутенберг, Ватт так они были одарены высшей силой, как и Шекспир, Дант и прочие. Доведи-ка я каким-нибудь процессом нашу парголовскую глину до того, чтобы из нее выходил фарфор лучше саксонского или европейского, так ты думаешь, что тут не было бы присутствия высшей силы?*

Вы смешиваете искусство с ремеслом, дядюшка.

- *Боже сохрани! Искусство само по себе, ремесло само по себе, а творчество может быть и в том и в другом, так же точно, как и не быть. Если нет его, так ремесленник так и называется ремесленник, а не творец, и поэт без творчества уж не поэт, а «сочинитель».*

Примечательно, что спор между Адуевыми завязывается после реплики Петра Ивановича о том, что писатель человек «... *как другие*». Александр, который свои претензии на исключительность, избранность мотивирует своей художественной одаренностью, не

может оставить без внимания этот «выпад» дяди. Петр Иванович, в свою очередь, вступает с ним в подробное объяснение, так как видит в претензиях на избранность крайнее выражение избалованности племянника. Для Петра Ивановича Адуева, собственной энергией сделавшего в Петербурге карьеру и к тому же придающего серьезное значение промышленной деятельности, науке, ремеслу, романтические мечтания, непрофессиональные занятия искусством, нежелание «тянуть лямку» ежедневного труда - проявления барской лени, деревенского образа жизни. Однако автор смотрит глубже на проблему практицизма и смены феодального уклада буржуазным. В столкновении дядюшки и племянника автор отдает предпочтение Петру Ивановичу Адуеву, образ которого вызывал особенную ярость у славянофилов.

Подвергая каждый поступок, каждое желание и каждую декларацию племянника суду логики, проверке житейской практикой и критерием пользы, Адуев-старший проявляет нетерпимость к фразе и постоянно рассматривает слова и поступки Александра на фоне опыта других людей. Он приравнивает его ко всем и как бы приглашает принять участие в соревновании между множеством ему подобных жителей Петербурга.

Так, например, в ответ на возмущение Адуева-младшего изменой Наденьки Петр Иванович производит сравнение племянника и его соперника, доказывая, что преимущество не на стороне Александра, и оправдывает выбор барышни. Стихи Александра он сравнивает с образцами подлинной поэзии и, забрав, уничтожает, а повесть, написанную племянником, отдает на суд специалиста редактора журнала. Получив о ней отрицательный отзыв, он категорически не рекомендует племяннику продолжать литературные занятия, кроме переводом научных статей, которые удаются молодому человеку и ободряются редакторами и читателями, следовательно, приносят пользу, Петр Иванович Адуев не отрицает в принципе искусство. Он знает наизусть многие стихи Пушкина, он постоянно бывает в театре и на концертах. Не смотря на свою занятость и усталость, от искусства он тоже требует высокой профессиональности и не понимает дилетантизма, занятий литературой, музыкой, сочинения стихов в порядке самовыражения, т. е. той формы художественного творчества, которая была распространена в дворянской среде.

Александр Адуев потрясен требованиями дяди, он усматривает в них (не без основания) обесценивание личности. Ему не дано сразу уразуметь, что, ставя личность в условия жесткой конкуренции, Петербург (объективно складывающиеся в столице условия и отражены в требованиях дяди Адуева) выковывает воли и характеры, побуждает молодых людей работать, совершенствовать свои знания, способности, мобилизовать все свои творческие ресурсы.

Нарисовав в образах дядюшки и племянника две, на первый взгляд несовместимые, непримиримые крайности, осудив уродливые черты и

«чрезмерности» в каждой из них, показав всю беспочвенность взглядов Александра и, наконец, психологически подготовив и осуществив его переход на позиции дядюшки, писатель к концу романа самым ярким образом продемонстрировал гибельность иссушающую душу, которые намерены на закате дней пожинать плоды своих трудов.

Рисуя возвращение в деревню потрепанного и разочарованного петербургской жизнью Александра, Гончаров как бы иными глазами смотрит на патриархальное деревенское житье, чем в начале романа. Вместе со своим возмужавшим героем он замечает уже не идиллию, а неусыпную деятельность скопидомки-помещицы - матери Александра, труд крестьян. Петербуржец, «поселившийся в душе разочаровавшегося мечтателя Адуева, побуждает его заняться в деревне чтением трудов по агротехнике - науке, которую он прежде презирал, хотя и переводил для журналов с иностранных языков статьи подобного содержания для заработка. Практика традиционного сельского хозяйства, основанная на вековом опыте крестьян, дает ему материал для нового критического восприятия теорий ученых агрономов.

Таким образом, деревенское житье не соответствует сентиментальным о нем представлениям. Создавая благоприятную почву для отвлеченного романтического «мечтания помещика, оно вместе с тем наводит на серьезные мысли человека, познавшего иные, буржуазные отношения.

Именно из деревни Александр пишет петербургским Адуевым письма, в которых, по мнению Лизаветы Александровны, выражен момент наиболее гармоничного состояния его личности равновесия способности к критике и анализу и идеальных устремлений, на уровне которого ему впоследствии не удастся удержаться. Возвратившись в Петербург, он погружается в поток практической деятельности, не овеянной никаким идеалом.

В литературе, посвященной творчеству И. А. Гончарова, отмечалось, что споры дяди и племянника Адуевых составляют важнейший конструктивный элемент *«Обыкновенной истории»*, что здесь можно говорить о «диалогическом конфликте» как основе структуры произведения. Несмотря на наличие известной исторической общности, составляющей основу для диалога, спора и борьбы, ни Базаров, ни Раскольников - Порфирию Петровичу ((«Преступление и наказание Достоевского»), ни Рязанов - Щетинину («Трудное время» Слепцова).

Адуевы, представляющие на протяжении большей части романа разные, во многом взаимоисключающие нравственные системы, соответствующие разным формациям существования общества, не находятся в ситуации конфликта, борьбы. Сюжетные коллизии разворачиваются в стороне от их споров и отношений и помимо них.

Особенность повести Гончарова

Особенность повести Гончарова состоит в том, что преодоление романтического идеала, приобщение к суровой деловой жизни столицы расценивается писателем как проявление объективного общественного прогресса. История героя оказывается отражением исторически необходимых изменений общества. Рационализм, утилитаризм, уважение к труду, к успеху, чувство долга перед делом, избранным в качестве профессии, самодисциплина и организованность, подчинение чувства рассудку, а мысли - конкретным и ближайшим целям, чаще всего интересам службы или другой трудовой деятельности - таков идейный, нравственный и бытовой комплекс, характеризующий типическую личность петербургского периода, а также уклад жизни и нравы Петербурга, наиболее «современного» и Европе изрисованного города России середины XIX в.

Гончаров был первым русским писателем, почувствовавшим проблемы, которые ставят перед человечеством городская культура, перенаселенность городов, разделение труда, профессионализация и обезличивание человека. Возможно, что автор «Обыкновенной истории» именно потому столь остро ощутил эту проблематику, что столкнулся с нею на заре ее возникновения, "уравнивая буржуазную городскую культуру с феодально-сельской. Отметив прогрессивные черты этой новой культуры, он указал и на потери, возникающие при подчинении ее законам всех сфер жизни.

Тупик, и которому приходит Петр Иванович Адуев, как и у современных деятельных и одаренных людей в буржуазном обществе, возникает отчасти потому, что все личные отношения, в том числе и

семейные, оказываются только придатком к «делу» - службе, карьере, предпринимательству и денежным интересам.

Приняв условие» Мефистофеля капиталистического, буржуазного развития и отказавшись во имя успеха и пользы от индивидуальности, признав себя частью целого, функционально необходимой деталью машины управления, общественного производства и торгового обмена, Адуев-страший пожинает в конце жизни плоды своего самоотверженного, хотя и эгоистического по целям (таково противоречие буржуазной деятельности) труда, однако вместе с тем он делается рабом дела, к которому добровольно, ради личных выгод приобщился. Свою жену он в соответствии с идеалом служения «делу и успеху» превращает в принадлежность домашнего комфорта, освобождающего мужчину от «побочных» забот и эмоций. Следствием такого - органически слитого со всей системой бытовых отношений и жизненных идеалов петербургского, делового мира - положения Женщины в семье является уничтожение ее личности, мало чем отличающееся от положения ее прав в домостроевском патриархальном быту. Ведь именно об обезличивании женщины в семье, где безраздельно правит, распоряжаясь судьбой и волей всех ее членов, самодур, писал Добролюбов по поводу коллизий пьес Островского. Адуеву-младшему предначертан путь, во всех деталях повторяющий дорогу, пройденную дядей. Рок, который толкает его на этот путь (казалось бы, Александр не честолюбец, не алчен, не жаждет денег и может иметь все жизненные удобства в своем наследственном имении), - историческая необходимость. В неосознанном, но непреодолимом стремлении Александра уехать из деревни в неведомый и страшный Петербург и в его втором возвращении в столицу после бегства в деревню, где он хотел укрыться от ударов и разочарований петербургской жизни, отражена историческая неотвратимость изменения жизни. Матери Александра - старосветской помещице - во сне сын является добровольной жертвой, человеком, бросающимся в омут. Повинуясь зову истории, Александр уходит в буржуазный мир. Закономерность жизненного пути Адуева-младшего подчеркивается в романе полной аналогией не только судьбы, но и личных качеств его и его дяди. Несмотря на свои споры, они люди близкие по характеру: способные, знающие, охотно и не лениво учащиеся, умеющие в случае необходимости практически применить свои знания, темпераментные и внутренне холодные, сентиментальные и эгоистичные. Адуеву-старшему именно потому легко спорить с Александром, что он предвидит каждый его следующий «ход», каждое его увлечение и движение, а также и потому, что ему органически понятна логика развития его юного оппонента.

История духовного перевооружения, перестройки Александра Адуева состоит из ряда разнородных эпизодов. Автор как бы вглядывается в «даль туманного романа» и видит новые и новые повороты судьбы своего героя, неожиданные проявления его личности.

Жизнь Адуева-младшего открывается зрению не только читателя, но, как кажется, и автора не в виде прямого логичного пути, а наподобие реки с многочисленными поворотами и коленами. Каждый отрезок течения этой «реки» представляется своего рода «заводью», эпилогом исканий героя, но поворот событий открывает новую перспективу его развития. Александр предстает сначала восторженно неопытным провинциалом, и автор сомневается в том, что юноше следует ехать в Петербург, что он способен пробить себе дорогу. Александр смущен холодностью, с которой его встречает Петр Иванович, напуган непривычным бытом столицы, подавлен видом бюрократического учреждения и сознанием ничтожности места, которое ему предложено. Он ошибается, переписывая бумаги, и почерк его признан плохим. Читатель ожидает повести о неудачной карьере. Однако через несколько страниц мы узнаем, что дядя оценил образованность Александра (он знает языки), достал ему переводы для журнала и племянник оправдал его рекомендацию, что на службе он проявил способности и трудолюбие. Новый поворот сюжета: герой увлекается Наденькой, забрасывает дела, хочет жениться; измена Наденьки, отчаяние Адуева, апатия, затем новый подъем служебных успехов и т. д. вплоть до конца романа. Разбитый, разочарованный Александр уезжает в деревню, ведет растительный образ жизни. Читатель думает, что «обыкновенная история» скитаний провинциала в столице приходит к своему завершению, что он откажется от борьбы и погрузится в бездействие. И вдруг новый поворот - внезапное пробуждение энергии, занятия в деревне, возвращение героя в Петербург, новые настроения, новый взлет карьеры и брак по расчету.

Ясная и свободная композиция романа, разнообразие ситуаций и убедительность каждого нового «превращения» героя придавали особенную непосредственность и жизненность повествованию Гончарова. Писатель легко и естественно показывал, как просто и органично совершается процесс перевоплощения «деревенского юноши в петербургского делового человека.

Александр проходит путь, аналогичный пути Петра Ивановича, и в конце этого пути становится полным подобием дяди (вплоть до боли в пояснице); тавтологичность, адекватность героев окончательно выявляется в эпилоге.

40-е гг. были эпохой наплыва в Петербург молодых небогатых дворян, а отчасти и разночинцев, жаждущих приобщиться к новой городской культуре, найти применение своим способностям, получить профессию и сделать карьеру.

Ради чего должен трудиться юноша, к чему должен он стремиться, каков общий смысл его деятельности и каково ее отношение к судьбам страны, к историческому прогрессу? Эти вопросы, которые вставали уже перед молодыми людьми 40-х гг., сделались особенно актуальными позже, когда социальный «состав интеллигенции резко изменился, когда «устроить себя приходилось уже не высокообразованным философствующим

дворянам, а разночинцам, для которых выбор пути был неотложным, жизненно необходимым делом и осложнялся социальными препятствиями.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

Гончаров И.А. - “Обыкновенная история”; изд. “Правда” 1980 (Москва)

“История Русской Литературы “(3 том- “Расцвет Реализма”); изд. “Наука” 1982 (Ленинград)

А. Галахова от “Обыкновенной истории”: Отеч. Зап., 1848, №1

История русской литературы, т.8, Пиксанов Н.К. Гончаров 1956

Цейтлин А.Г. Реализм - магистральная линия литературного развития.- В кн.: История русской литературы в 3-х томах, том 2.

Гинзбург Л. Белинский в борьбе с романтическим идеализмом
Литературное наследство, т. 55, 1948

Вильчинский В.П. "Русские писатели- маринисты. М.-Л., 1966

Литературное наследство, т. 22-24. М., 1935

Критическая статья Н.Юргеневой. Роман Гончарова «Обыкновенная история».